

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)
Костанайский филиал

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«В ПОИСКАХ НОВОГО ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ»**

Костанай, 2023

Материалы

**Международной научно-практической конференции
«В поисках нового вектора развития уголовного права в
условиях глобальной трансформации уголовной политики»**

УДК 343.2/.7
ББК 67.408
М29

Печатается по решению ученого совета
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
от 23.11.2023

Ответственный редактор
доктор юридических наук
Аман Елеусизович Мизанбаев

Материалы Международной научно-практической конференции «В поисках нового вектора развития уголовного права в условиях глобальной трансформации уголовной политики», посвященной памяти Заслуженного деятеля науки и техники Республики Казахстан, доктора юридических наук, профессора Каиржанова Елегена Изтлеуовича. 09.06.2023 / Отв. ред. Мизанбаев А.Е., д.ю.н. – Костанай: Издательский Дом, 2023. – 67 с.

ISBN 978-601-08-3737-9

Издание включает материалы, отражающие позицию ведущих зарубежных и казахстанских ученых по вопросам трансформации уголовной политики.

Материалы МНПК предназначены ученым, сотрудникам правоохранительных органов, педагогическим работникам и студентам учебных заведений юридического профиля для использования в научно-исследовательской, правотворческой, правоприменительной и образовательной деятельности.

**УДК 343.2/.7
ББК 67.408**

ISBN 978-601-08-3737-9

© Костанайский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет», 2023 г.

Возняк Оксана Александровна
кандидат юридических наук, Teaching professor
Maqsut Narikbayev University (KAZGUU)
г. Астана, Казахстан

УБИЙСТВО ЖЕНЩИНЫ, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕЙСЯ В СОСТОЯНИИ БЕРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Сегодня назрела необходимость коренного пересмотра уголовного закона, а не только редакционная правка признаков отдельных правонарушений или изменение размеров санкций. В настоящее время готовится закон о внесении изменений в уголовный закон, в котором самым категоричным, на наш взгляд, является установление ответственности за покушение на уголовный проступок (сразу отметим, что такое решение непоследовательно, это меняет отношение к проступку в целом. Если проступок – это деяние, не представляющее большой общественной опасности, которое отличало от преступления отсутствие судимости, более мягкие виды наказаний и короткие сроки давности, то не логично устанавливать ответственность за неоконченный проступок. Хотя в процессуальном плане да, проблема привлечения к ответственности есть. Разумным было бы вернуться к прежней системе: отказаться от уголовного проступка с определением ответственности за данные деяния в КоАП, тем более, что четкой позиции относительно разграничения уголовного проступка и административного правонарушения нет. Взять хотя бы составы «Побои» и «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», которые «кочуют» из кодекса в кодекс).

Нет и результатов пилотного проекта по пересмотру подходов к определению родового/непосредственного объекта, отношения к отдельным квалифицирующим признакам. Так, например, Академией правоохранительных органов при ГП РК предлагалось пересмотреть подход к объекту убийства, не разбивая нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь между главами Особенной части (простое убийство, посягательство на

жизнь судьи). Конечно, такая коренная ломка традиционного подхода к классификации правонарушений по родовому объекту потребует серьезных исследований.

Рудиментом считаем повышенную общественную опасность убийства из родовой мести. Устанавливая данный признак, мы как бы соглашались с существованием кровной мести у отдельных народов, что недопустимо в рамках защиты жизни человека. Разграничение мотива мести (в рамках простого состава убийства) и кровной мести достаточно затруднительно.

Требуется четкая позиция законодателя и относительно понимания жестокого обращения применительно к составу убийства; разграничения убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии в плане малолетнего возраста и убийства малолетнего лица (в рамках части 3 ст.99 УК РК).

Уголовный закон выделяет несколько видов убийства, учитывая признаки потерпевшего: количество потерпевших, выполнение служебной деятельности либо выполнение профессионального или общественного долга; беспомощное состояние, к которому приравнено убийство при похищении человека и захвате заложника; беременность; несовершеннолетние и малолетний возраст. Обращает на себя внимание, что малолетние отнесены к признаку беспомощного состояния в связи с невозможностью оказать сопротивление преступнику и защитить себя в силу своего психического или физического состояния. Однако, на практике сам по себе факт малолетия (возраст до 14 лет) не свидетельствует о беспомощности лица и каждый случай требует доказывания.

Сложности возникают и при оценке осведомленности виновного о состоянии беременности потерпевшей и ошибке виновного в объекте посягательства.

Пунктом 4) части 2 ст.99 УК определена более высокая ответственность за убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, по сравнению с убийством одного лица (простым убийством).

Из чего исходил законодатель, определяя степень общественной опасности при убийстве беременной?

Объектом убийства выступает право на жизнь, которое является неотъемлемым правом человека, закреплено Конституцией государства, предусмотрено Всеобщей декларацией прав человека. «Жизнь человека – это совокупность биологических и социальных факторов, которые дают возможность существовать человеку в природе и в обществе себе подобных» [1, 47].

Обращает на себя внимание понимание объекта как «охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступным посягательством причиняется вред либо *создается реальная угроза* его причинения» (выделено автором, – О.В.) [2, с.119]. Исходя из этого, возможность жизни плода (нерожденного ребенка) напрямую зависит от действий виновного лица.

Анализ научных публикаций показал существование двух позиций: большая часть авторов сходится во мнении, что в основу положен факт наличия охраняемого объекта – жизни самой женщины и жизни плода. Однако, с такой позицией трудно согласиться, так как по законодательству Республики Казахстан уголовно-правовая охрана жизни начинается с момента биологических родов или с момента проведения кесарева сечения (не вдаваясь в подробности относительно медицинской терминологии). Так, по мнению Ткачева И.О., «уголовно-правовая охрана жизни начинается, когда плод становится доступен для непосредственного воздействия на его организм», то есть с момента начала физиологических родов [3, с.12]. Аналогичная позиция высказана и Кадниковым Н., который считает, что «лишая жизни беременную женщину, виновный уничтожает и возможность жизни плода, то есть будущего человека» [1, с.54]. Тогда как Кисилева М., считает, что «уголовно-правовая охрана должна начинаться с момента оплодотворения яйцеклетки» [4, с.9], то есть с момента зачатия. Следовательно, любое посягательство на причинение вреда плоду должно расцениваться как правонарушение.

Возвращаясь к вопросу об объекте: объектом выступает жизнь другого человека [5, с.52]. Для определения объекта посягательства, человек должен

быть живым [6, с.367], то есть жизнь человека уже началась и еще не окончилась. Возникает ряд вопросов: является ли нерожденный ребенок (плод) человеком (так как объектом выступает именно жизнь человека), второе – можно ли говорить о том, что он начал жить до момента фактического рождения? Законодатель в этом отношении указывает только на «жизнеспособность плода», но и в этом случае жизнеспособность в утробе матери, а вне ее.

Если мы считаем, что жизнь началась с момента зачатия, то в этом случае мы лишаем женщину права принимать решение о сохранении беременности, так как производство аборта должно рассматривать как убийство, что не соответствует традиционному пониманию начала и окончания жизни.

Интересен в данном случае подход законодателя штата Нью-Йорк, определяющего в качестве потерпевшего от убийства «жизнь другого человека и нерожденного ребенка, при сроке беременности свыше 24 недель». На жизнеспособность применительно к убийству обращает внимание и законодатель штатов Калифорнии, Пенсильвании: речь идет о защите права нерожденного ребенка на жизнь. Но опять-таки, нет единообразного подхода к пониманию, *когда* возникает право на жизнь нерожденного ребенка.

Если связывать факт беременности именно со степенью общественной опасности, как потенциальной угрозе жизни нерожденному ребенку, то и квалифицировать такие случаи следует как посягательство на беременную независимо от фактической беременности: виновный посягал именно на «статус»/состояние женщины.

В этом случае нами отмечается некоторое противоречие: мы защищаем посягательство на жизнь ребенка только с момента его рождения, признаем его существующим и имеющим права, но применительно к составу убийства беременной делается акцент именно на факте *лишения возможности плода на жизнь*.

Предположим, гипотетически, покушение на жизнь беременной женщины состоялось, жизнь матери не удалось спасти, но ребёнок (плод) был помещен в специальные условия и его жизнь была спасена, то есть жизнь вне утробы матери

имела место. Как квалифицировать деяние? Покушение на жизнь заведомо беременной? Но жизнь женщины, как основной непосредственный объект, на который и посягал виновный окончена, а как быть с жизнью ребенка, необходимо ли квалифицировать деяние виновного в отношении «плода» как неоконченное? По мнению Кадникова Н.Г., квалифицировать деяние необходимо как оконченное убийство беременной независимо от того, что жизнь плода удалось спасти [2, с.372]; солидарен с ней и Попов А., отмечая, что «содеянное виновным, независимо от того, что произошло с ребёнком будет квалифицироваться по тем последствиям, которые наступили в отношении его матери» [6, с.346].

При указанном подходе (защита права женщины на жизнь и право нерожденного ребенка на жизнь) следует четко определить разграничение убийства беременной от убийства двух или более лиц (количество потерпевших зависит от количества плодов); не увязана тогда и позиция относительно того, что жизнеспособность плода не учитывается при квалификации. Если виновный посягает на жизнь плода (нерожденного ребенка), то факт его способности к жизни вне утробы матери является, в данном случае, обстоятельством, влияющим на квалификацию.

Интересно, как правоприменитель при вынесении решения по делу об убийстве беременной женщины указывает на способность плода/нерожденного ребенка к жизни: «соответствующий пяти месяцам развития плод гр-ки Н. потерял свою жизнедеятельность в результате внутриутробной асфикции». То есть, правоприменитель исходит из наличия жизни плода.

Анализ умысла виновного лица может показать, что объектом посягательства может выступать только жизнь женщины (мотивы в данном случае могут быть разными), которая оказалась беременной (сомнений в данном факте нет: видимые признаки, начавшиеся роды); виновный при этом осознает факт беременности; умысел может быть направлен на жизнь *беременной* женщины, то есть факт беременности в данном случае играет решающую роль.

Существует и несколько иная позиция: повышенная опасность убийства беременной женщины связывается не с правом на жизнь нерожденного ребенка (плода), а с репродуктивным правом женщины [7, с.53]. То есть, жизнь выступает основным непосредственным объектом, а дополнительным – репродуктивное право. (Правильнее конечно вести речь о репродуктивном здоровье как «способности к воспроизводству полноценного потомства»).

Отмечена позиция, согласно которой «к растущему ребенку нельзя относиться как к части женского организма поскольку он обладает всеми признаками самостоятельной жизни, хотя и зависимой от организма матери во время внутриутробного развития», то есть здесь речь идет не только о репродуктивном праве наряду с правом на жизнь женщины, но и жизнь ребенка, хотя, как отмечает сам автор, эта жизнь вне матки пока невозможна [6, с.347].

Еще одной проблемой при квалификации убийства беременной выступает признак «заведомости»: *заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности* (выделено автором, - В.О.). Одна группа авторов считает, что заведомость означает «точное, достоверное знание виновным на момент причинения смерти о наличии беременности» [6, с.336]. Причем «знание» виновного необязательно должно соответствовать действительности. Главное, чтобы оно не было предположением, а основанным на каких-либо реальных обстоятельствах. Источник информации о состоянии беременности, а также срок беременности не имеют юридического значения [6, с.348]. Интересно, что в словаре Ожегова С. «заведомый» связывается «обычно с чем-нибудь отрицательным» [8, с.253].

Существует и другая группа авторов, считающих, что «достаточно предположения, допущения виновным наличия беременности» (на данную позицию обращает внимание Г. Борзенков) [9]. Нам эта позиция импонирует: если женщина заявила о беременности (в данном случае считаем мотив неважен: это может быть обман с целью принуждения вступления в брак, признания

ребенка; или с целью вызвать жалость виновного лица) квалификация должна проводиться с учетом признака «заведомо беременной».

Из чего мы исходим? Из положения, что виновный может знать о наличии беременности по внешним признакам, или получить это «знание» от самой потерпевшей.

Хотя иная позиция отмечена Поповым А., отмечающим недопустимость смешивания понятий «хорошо известный, несомненный» (в данном случае автор опирается на понятие «заведомый» в словаре Ожегова С.) и «достоверно известный», «поскольку в последнем понятии подчеркивается соответствие знаний объективной действительности, а в первом – субъективная убежденность лица о наличии какого-либо факта. Употребленное в законе понятие «заведомо для виновного» означает лишь, что виновный должен быть убежден в том, что потерпевшая беременна» [6, с.338]. Так, если супруга сообщила что *возможно беременна, но пока есть сомнения*, и у виновного возникает умысел на лишение ее жизни, квалификация по нормам закона будет как простое убийство, без учета признака «заведомость знания». Не соглашусь с такой позицией хотя бы потому, что они супруги/сожители: если ли основания не доверять сообщению женщины?

Или еще часто обсуждаемый случай: женщина, с которой мужчина состоял в интимной близости получает сообщение от нее о беременности, и он, пригласив ее в лес, убивает. Вскрытие показало отсутствие беременности [10, с.104]. Но лишить-то ее жизни он намеревался именно после сообщения о беременности, следовательно, и «предположение» о беременности должно быть принято в расчет при квалификации по признаку «убийство заведомо беременной».

Если брать в расчет правила квалификации при фактической ошибке в признаках потерпевшего, то данную ситуацию следует квалифицировать как покушение на убийство. Но смерть то наступила! В этом наша позиция совпадает с мнением Бородина С. [10, с.105; 11, с. 339].

Здесь важно рассмотреть проблему квалификации убийства предположительно беременной из мести, или из ревности. Опять же, мотив и ревность выступают мотивами простого убийства, факт «заведомости» отсутствует.

К сожалению, Нормативное постановление РК не дает четкого ответа по данному поводу, но оговаривает, что предположение о беременности исключает квалификацию по пункту 4) части 2 ст.99 УК. Нельзя не указать, что и законодатель несколько раз менял позицию относительно квалификации таких случаев.

Квалификация как совокупности покушения на убийство беременной и простого убийства недопустима: лицо совершает одно преступление, а не несколько! В этом плане считаем необоснованной и квалификацию посягательства на жизнь двух или более лиц, когда виновный посягал на жизнь нескольких лиц, но фактически наступила смерть только одного, а другим причинен меньший вред или не причинен вовсе: «в таких случаях действия виновного по неоконченному убийству подлежат квалификации по ч.3 ст.24, п.1) ч.2 ст.99 УК, а оконченное убийство – по ч.1 или ч.2 ст.99 УК в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков».

При убийстве женщины заведомо для виновного беременной множественность отсутствует, единственным потерпевшим выступает беременная женщина [3, с. 13]. Хотя имеется позиция, согласно которой в случае ошибки в личности потерпевшей, которая фактически не была беременной должна квалифицироваться как идеальная совокупность (специфический объект и жизнь постороннего пострадавшего) [12, с. 55].

Разделяем позицию Кисилевой М.В. об отказе на указание признака «заведомость» в составе убийства беременной женщины (по мнению Кисилевой М. норму следует изложить как «посягательство на жизнь женщины, находящейся в состоянии беременности») [4, с. 10].

Итак, анализ научных публикации позволил выделить несколько позиций относительно объекта посягательства; поднять ряд вопросов

относительно правильности и обоснованности квалификации мнимой беременности, и в случае недостижения виновным лицом умысла на лишение жизни беременной женщины.

Список литературы:

1. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. – М.: Юриспруденция, 2011. – 304 с.
2. Уголовное право. Общая и Особенная части. Учебник // Под ред. Кадникова Н.Г. – М., 2006. – 912 с.
3. Ткачев И.О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009.
4. Кисилева М. Уголовно-правовая охрана материнства: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
5. Каиржанов Е.И. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Алматы, 1998.
6. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. – СПб, 2003. – 898 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник /под ред. Бурлакова В.Н., Векленко В., Щепелькова В. – Издательство СПб университета, 2022. – 896 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ.ред. Скворцова Л.И. – М.: ОНИКС, 2005. – 1200 с.
9. Борзенков Г. Курс уголовного права. Т.3, С.113. Например, Макринская В. Вопросы уголовно-правовой охраны защиты права на жизнь. – М., 2006. – С.32; Бородин С. Преступления против жизни. – С.104; Коробеев А. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. – С.67-68.
10. Бородин С.В. Преступления против жизни. Практическое пособие.
11. Курс советского уголовного права. – М., 1970. Т.2

12. Уголовное право. Особенная часть. Учебник. Издательство Норма. – М., 2001. – 768 с.